

ВЛАД КАН

ДНИ ВЕТРА

Влад Кан

Дни ветра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39439817

ISBN 9785449385994

Аннотация

Дни ветра – это полгода из жизни портного в небольшом городке далёкого прошлого. Элайя Фант как будто вечно был всеобщим любимцем, а своей таинственной силой он пользуется так, будто обладал ею всегда. Время идёт, и в его жизни появляются некий молодой человек, маленькая девочка, женщина и зверь. Вот только к моменту, когда ткань событий сшивается в глазах портного, история из комедии уже превратилась в драму.

Содержание

6. Дом с порогом	5
5. Синяя шляпа	19
4. Я вижу сквозь туман	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дни ветра

Влад Кан

© Влад Кан, 2018

ISBN 978-5-4493-8599-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

6. Дом с порогом

На двухэтажном доме с чердаком по Ликвид-стрит висит табличка с номером 82 и вывеска: «Пошив костюмов и прочего на дому. Элайя Фант».

Ликвид-стрит – такая небольшая прямая улочка на западной окраине города, слишком тёмная днём и не в меру светлая вечером: так интересно в течение дня на неё отбрасывают тени кварталы вокруг. Западная окраина – место к центру неблизкое, но неподалёку лежит площадь с рынком для тех, у кого бриллиантов в сундуке меньше одного. А потому, стрела дороги на Ликвид-стрит была подметена довольно сносно, и даже выбоины заделаны новыми камнями.

По обеим сторонам стрелы выстроились домики, такие же небольшие. Если встать в начале улицы, вам представится отличное пособие по законам перспективы, если вы школяр какой-нибудь академии искусств. Дома различались разве что возрастом: этажа два-три, чадающая труба, от силы какой-нибудь выдумщик пристроит себе дополнительный чердак. Никаких изысков: обыкновенное городское жильё благословенного увядающего столетия.

Дом под номером 82 стоит в конце улицы, предпоследний перед тупиком. Он едва ли отличается от остальных, но всё же кое-что можно отметить, приглядевшись: этажа всего два, но размерами ненамного меньше бросающе-

го на него тень единственной четырёхэтажной галантереи «У Рипплберри». У этого жилища большие окна, и ставен, в отличие от других, в нём нет: хозяин предпочитает шторы. Зато есть крыльцо – о, это роскошь. И ещё одна деталь – угольно-чёрный цвет дома. Именно это выделяло его среди белёных, но уже запачканных, построек.

Как уже говорилось, на вывеске указано имя Элайи Фанта. Как почти написано там же, его профессия – портной. Поднимая взгляд в третий раз, внимательный посетитель прочтёт про костюмы. По правде говоря, мистер Фант не гнушался любой работой, в которой использовался какой-либо материал и нитки. Ему было равно: латание то дешёвых подушек или выделка юбок на званый вечер. Только бы платили в размер делу – а с кого сколько нужно взять он решал сам. Жалоб не было, всё выполнялось в срок и по высшему классу, даже чаем он поил – чего же ещё желать клиентам! Руки мастера и гостеприимство сделали своё дело, и дом №82 по Ликвид-стрит пользовался вниманием у заказчиков всякой масти.

Элайя Фант жил один. Он был общителен и радушен ко всем гостям и поимённо знал, кто из клиенток обращались к нему чаще, чем нужно было их платьям. Портной одаривал их улыбкой, делал швы чуть красивее, пришивал дополнительную перламутровую бабочку к подолу – и сообщал, что с платьем ничего не случится ещё полгода, если только леди не придумает отправиться в нём в лес. Мужчины, кото-

рые видели, как он с завидной частотой сводит на нет любые нерабочие отношения с женщинами, ухмылялись. А те, кому об этом рассказывали жёны, одобрительно кивали и тоже ухмылялись – но уже про себя. А сам Элайя Фант говорил, что за своим добром легче усмотреть тогда, когда в доме одна пара глаз – его. Брать ответственность за кого-то, кого нельзя свернуть в рулон и перекроить, он считал не своим делом. Это касалось не только женщин – сколько раз ему просились в подмастерья! Ликвид-стрит угадывала каждого молодого человека, понуро выходящего из чёрного дома, отказавшего ему. «Помощники, говорил Элайя Фант, нужны тем, кто сам со своей работой не справляется – это не про меня».

Всё своё время он проводил дома. Когда спрашивали – говорил, что уродился домоседом, но таких, кто решался задать каверзный вопрос, было немного. Самое необходимое привозили из ближайших лавочек и с рынка – смог на выгодных условиях сдружиться с местными дельцами. Выйти за чем-то самому – нет и ещё раз нет. «Эти пыльные улицы не для меня».

Итак, Элайя Фант не тратил время на добычу пищи и других вещей, и это значило, что круглые сутки он мог посвящать работе, не отвлекаясь ни на что – чем портной и занимался. День ли, ночь ли, а глаза привыкли к грубой коже так же, как к бисеру. В кармане всегда есть подушечка с иглами, иглы покрупнее – в нагруднике жакета, рядом с маленьким моноклем-лупой для совсем ювелирной рабо-

ты. Что в других карманах – этими сведениями он не засорял себе память: если портному понадобится двухсантиметровая кружевная лента, он будет знать, откуда её вытащить.

У мясника, мистера Голдсмита, как называли его покупатели, или Робби, как называл его Элайя Фант и жена с братом, радостное событие – дочь выходит замуж, и папаше необходимо блистать на церемонии не хуже невесты. К счастью, он снабжал портного лучшей в городе вырезкой – а это достаточно веская причина, чтобы сотворить за пару дней костюм хороший настолько, чтобы среди приятелей-торговцев папаша невесты был главным франтом, а цена восхитила достаточно скабрёзную миссис Робби. Честно говоря, сам костюм вышел бы в полтора дня, если бы не пришлось ушивать выходное платье нагрывушей жене мясника.

– Робби Голдсмит! – крикнул Элайя Фант, стоя на крыльце своего тёмного дома. – Выходи, уважаемый, примеряй красоту, пока лавку не открыл. А если дашь мне немного той ветчины, скину пару монет.

Мясник показался на дороге, обтирая руки о фартук. Всплеснул руками. Пригласил портного к себе, угостить за работу, но тот быстро пригласил к себе померить обновку.

– Ох, Элайя, дальше с крыльца не сойдёшь, – подмигнул мужчина.

– Мы пленники своих привычек, верно? Доброе раннее утро.

Через несколько минут он осыпал благодарностями. Стоя посреди изрядно меблированной гостиной, Элайя лично одел Голдсмита, чтобы проверить, не было ли неточностей в пошиве (как он говорил вслух – на самом деле, ему было прекрасно известно, что неточностей нет). Мясник в это время озибался по сторонам, не скрывая удивления. Он косился на запертые двери и на картины между ними, изображающие собак, костры и пироги; на обтянутые в красное с золотом, потёртые кресла, на множество маленьких столиков с подсвечниками, заваленных всевозможными катушками ниток и обрезками хлопковой ткани; на одинаковые шкафы, различающиеся лишь степенью раздутости; на книжные полки, на гигантские куски фланели, закреплённые в углу под потолком, обвивающие, как волна скалу, всю комнату.

– Интересно у тебя здесь, Элайя, – пробормотал он, стоя, как кукла, раскинув руки в сторону. – С твоим талантом хоть в столицу перебраться можно было, а ты здесь, на нашей окраине.

– К чему суета, – растягивал портной, увлечённый примеркой. – Мне хорошо и здесь. Пусть мы далеко от центра, так тут спокойнее. А что до работы – так её вдоволь, больше мне не нужно. Кому потребуется – придёт. А не придёт – мне лишний час на книгу или вон, – кивнул в угол. – Барышне какой-нибудь, которую мать не научила, подыюбник заштопать.

Мясник хохотнул.

– И такую работу берёшь?

– Почему не взять, если платят? У тех, кому в детстве не за чем было учиться, обычно деньги водятся.

– Стало быть, всё можешь, так, Элайя?

– На твои нужды хватит, Робби, ты не стесняйся, если что не так с жёниным пальто или зятю дочерин гардероб не по вкусу придётся. Всё, готово!

Портной отступил от мясника, оставив его стоять нарядной куклой во фраке из крашеного хлопка. За несколько метров почти не отличишь от дорогой вещи. Голдсмит повернулся к зеркалу.

– Ох, Элайя, ну молодец, век благода... – простодушно восхищался он.

И так далее. Элайя был не горделив и в меру тщеславен, не более, а то и менее других. Но похвалу любил.

– ...как же успел? Вот у брата моего знакомый был, портной тоже, так тот ему две недели одни брюки держал, да содрал втридоро...

С многочисленными «спасибо» и зазываниями к себе, счастливый отец семейства отправился вертеться перед домашними. Элайя передал привет дочке, в ответ получил приглашение на свадьбу. Вежливо отказавшись, объяснив, что чужому не место среди родных, он захлопнул дверь.

Выдался тот свободный утренний час, в который Элайя Фант мог бы подгонять сорочку какого-нибудь дородного

господина, если бы он приехал к нему, а не к другому портному. Поэтому сейчас предпочтение было отдано книге малоизвестного автора. В перспективе – ещё двум, к которым он хотел приступить через несколько минут.

Вдруг раздался звон колокольчика, и сразу – звук без спросу отворяющейся двери. Вошли без приглашения? Хозяину это не понравилось. Если считают, что могут войти без приглашения – значит, не местные.

Элайя спустился вниз. По гостиной-мастерской прохаживалась неизвестная женщина. Что она здесь делает так рано? Простые люди только идут на работу, а она явно не из них. Цепкий глаз портного сразу определил дорогие ткани, нежнейшие шелка и самые редкие краски на её одеждах. Но наряд только подчёркивал её высокое положение – его можно было увидеть сразу, только по её взгляду и осанке. Посетительница слегка брезгливо вертела головой, скрывая удивление за безразлично-прикрытыми глазами, но теребление вее-ра выдавало волнение. Элайю она, кажется, заметила не сразу – лестница наверх была загорожена взмывающим вверх плотным габардина.

– Пользуясь возможностью, хочу объявить, что я счастлив видеть столь прелестную женщину в своей обители, – с полупоклоном портной появился из-за укрытия. Получилось неожиданно: гостя было отшатнулась в сторону, но быстро скрыла испуг. И вернула прежний надменный вид, конечно же.

– Мистер Элайя Фант, я полагаю?

Она нисколько не ошибается, ответил тот.

– Я к вам... По делу, мистер Фант, – сразу начала... клиентка? – Вы позволите сесть?

Не дождавшись ответа, она прошествовала мимо мистера Фанта, уверяющего, что он полностью к её услугам в делах с тканью и кожей, в единственное свободное кресло, где расположилась в самой уверенной позе. В кресло за рабочим столом.

– Это славно. Видите ли, говорят, что вы неплохой портной и даже имеете... Некие отличия от других, по словам ваших заказчиков из правительства.

Элайя вспомнил тот заказ от некого государственного советника из Верховного министерства хозяйства – действительно, он остался им доволен и даже обещал какие-то льготы по налогам. Точно, он же что-то обещал, пронеслось в голове. Даме же смиренно кивнул, бряцнув ножницами в широком кармане.

– Лорд Тэкс – вы конечно же, знаете его – является моим хорошим другом, и он от всей души рекомендовал вас мне.

– Чем же я могу быть полезен...

– Моё имя – леди Гарнетт, я фрейлина герцогини Оберландской. У её мужа, лорда Ричарда в ближайших числах месяца состоится званый вечер. Приглашены родственники, высший свет, аббаты и... – тут она мотнула головой, решив, что портному нет нужды быть осведомлённым в списке го-

стей. – Словом, те люди, про которых вы читаете в газетах. Этот вечер будет иметь для лорда Ричарда большое значение: возобновление отношений с кузенами и кузинами, вы можете понять... – тут леди Гарнетт вскинула голову. – Он должен быть неотразим.

Элайя Фант пробудился ото сна, навевавшего её столичной чопорностью и чувством того, что собеседник сошёл с ума и разговаривает сам с собой.

– Леди Гарнетт, разумеется, для меня будет большой честью создать костюм для самого лорда Ричарда! – он не представлял, кто это. – Скажите только срок и в чём его светлость желает предстать перед высочайшими особами – и я приступлю к работе в тот же миг.

– Отлично, отлично, – проговорила леди, и не ожидая от мастерового человека ничего иного, как благоговейного экстаза от мысли, что такое великое тело целый день будет носить плоды труда его простых грубых рук. Она двумя тонкими пальцами протянула листок, на котором описывалось задание: два фрака, плащ, три сорочки и четыре пары перчаток. Кажется, приём затянется на два дня.

– Разумеется, оплата будет достойной, – не преминула поощрительно добавить леди Гарнетт. – Если его светлости придётся по вкусу ваша работа.

– Всё будет исполнено, прошу не беспокоиться. – на замечание Элайя предпочёл не обращать внимание. – Теперь главное: когда сможет приехать лорд Ричард? Я никогда его

не видел воочию. Чем скорее я сниму все необходимые мерки, тем быстрее я смогу удовлетворить его потребности. К какому числу его ожидать?

Фрейлина смерила Элайю взглядом, плохо скрывающим презрение, но хорошо выдающим попытку это презрение завуалировать благородным удивлением. Получилось ещё более презрительно.

– О чём вы говорите? Я не понимаю. Я приехала передать вам заказ, чтобы мы тотчас же отправились в путь. Ещё есть немного времени, чтобы вы собрали необходимые вещи. Я уверена, что вы понимаете. Экипаж ждёт на улице.

Портному не нравились её поджатые губы и сокращающиеся мышцы тонкого носа.

– Леди Гарнетт, позвольте заметить, что лорд Тэkk, скорее всего, говорил вам об особенностях моих услуг, да и вы могли заметить вывеску над дверью: «на дому». При всём уважении к вам и к вашим патронам, я работаю только у себя дома. Моим клиентам необходимо лучшее качество их заказа, и я предоставляю его каждый раз, каким бы индивидуальным он не был. Снимаю мерки я здесь же – в доме, в котором я могу гарантировать высочайший результат моего дела.

Леди Гарнетт больше ничего не вуалировала.

– Всё верно, лорд Тэkk упоминал о вашем упрямстве. Но вы же не допустили предположения, что сам лорд Ричард приедет в это... Место? – тон фрейлины прямо говорил о том, как её покровители позволяли себе обращаться

с людьми ниже по званию, то есть – с ней.

– Прошу у вас прощения, но я действительно уверяю вас, что возможность моего выезда отсутствует. Ваши придворные швеи могут снять мерки с лорда Ричарда и выслать мне, хотя в таком случае я не могу гарантировать, что они сделают всё как требуется. Но, быть может, у вас есть хотя бы фотокарточка вашего господина? В полный рост. Если он не изменился с той поры – этого было достаточно.

Элайя замолчал и даже с интересом наблюдал, как трепещут возмущением крылья носа леди Гарнетт. Наверное, её высочайшему какие-то трудяги отказывали нечасто.

– Вы можете отправить ассистента, чтобы он сделал всё, что вам необходимо?

– Нет, я работаю один.

– Но я слышала шаги над нами!

– Наверное, бродячий кот.

Бродячий кот заставил фрейлину поморщиться и утвердиться в своём мнении о мастеровом народе ещё больше.

– В таком случае, вам придётся поступиться своим порядком, мистер Фант, – подняла подбородок она.

– Боюсь, это невозможно.

Так они стреляли друг в друга взглядами и словами через баррикаду шаткого столика с графином. От высокой посетительницы летели напудренные угрозы, sprysnutyie гордостью, возмущением и упрямством, со стороны Элайи – блоки извинениями, из вежливых скоро ставшими удивлёнными.

ми, и парирование отказами. Уколы такой шпагой как будто расчёсывали на её привычках комариный укус, дразня и раздражая гордыню.

– ... Лорду Ричарду необходимы платья, через месяц! И если не...

– Я могу сделать то, что он пожелает в две недели. Но его светлость желает первоклассную работу – в таком случае, придётся уделить мастеру немного своего времени. Если такие условия, к великому сожалению, огорчат его – в столице есть двенадцать высококлассных портных, рекомендовать которых я могу прямо сейчас. Позвольте написать их имена и адреса?

– Вы поедете со мной сейчас же! У меня приказ его светлости, и я приказываю вам от его лица. На улице ждёт экипаж и мои сопровождающие. Сопровождающие, понимаете? – надавила она так, как вообще-то не требовалось, получилось даже в по-своему забавно.

Элайя Фант удержался от того, чтобы позабавиться таким распоряжением власти-на-три-дня. Потом он посерьезнел. Охрана, подумал он, понимаю. Это очень нехорошо.

– Леди, я не могу покидать свой дом. Я работаю только здесь. Вы можете заплатить мне на треть меньше или найти другого, – но я не соглашусь поехать с вами.

Грудь фрейлины яростно вздымалась. Тонкие пальчики чуть не порвали бедный веер на куски.

– Итак, это ваше последнее слово?

– Да. – Элайя кивнул. – Но я думаю, что мы смогли бы договориться лучше, если бы вы прислали ко мне другую фрейли...

– Капитан Эдворт!

...На её призыв дверь распахнулась и появились трое мужчин в штатском. Элайя Фант был каждому по плечо. Леди Гарнетт зачем-то поднялась на носочки и, прижав плечи к шее, выдала портному тираду, из которой до его сознания донеслись только слова «ваше чёрное дело», «приказ» и «обязаны что-то такое сделать». Затем она ткнула в него пальцем, чуть ли не провизжав детинам хватать преступника и везти – тут было совсем не разобрать, кажется, детинам тоже – то ли в тюрьму, то ли к лорду Ричарду. Эти, обращаясь к хозяину дома на «мистер», сомкнули свои ручки на заведённых за спину запястьях и ждали, пока разбушевавшаяся фрейлина наконец успокоится, чтобы вести Элайю в экипаж. Он же помнил только, что в это время пытался сопротивляться, что на язык сами лезли слова, что будет куда-то жаловаться, пытался перекричать голос леди, убеждая, что они совершают ошибку.

Эти трое поволокли Элайю Фанта к двери – добровольно идти он не собирался. Они даже не подумали о том, что портному для работы могут пригодиться инструменты. Фрейлина выскочила из дома и пронеслась в карету, хлопнув дверью. Машины вытащили своего пленника на крыльцо, удивляясь, насколько рьяно он мог сопротивляться им.

На шум от непродуктивной схватки, заполнивший всю Ликвид-стрит, из домов высыпались люди, образуя ощущение ещё большей суматохи, гудя, крича и перекликаясь друг с другом.

– Арабе... – повис в воздухе возглас Элайи Фанта.

...Это произошло, когда его вторая нога оторвалась от последней ступени крыльца. Щипцовая крыша и чердак дома №82 с треском сложились в обратном направлении и разлетелись в щепки, выбивая чужие окна; второй этаж треснул, раскололся на две, на четыре, на сотню частей, выстреливая камнем, деревом, штукатуркой, рваными и изломанными вещами во все стороны; первый этаж раскололся с гулом, напоминая колокольный, вдавился вниз и разорвался, словно прижатый к земле огромной ступнёй великана; стёкла и обломки врезались в тупик, в соседние строения; чёрный дом №82 с грохотом и хрустом размазлся по земле, на которой стоял, покрыв под завалом четырёх человек.

5. Синяя шляпа

После того досадного случая с домом пришлось стирать память всей Ликвид-стрит. Это было довольно неприятное занятие, потому что всё же появился тот короткий момент, в который люди вдруг осознали, что по их улице ни с того ни с сего размазался целый дом. Просто взял и развалился, как карточный, забросав дорогу мусором.

Гул удивления, зачем доброго портного схватили двое неизвестных под предводительством кричащей дамочки, сменился гулом возмущения по тому, что произошло после. Самое смешное заключалось в том, что люди не разбегались в страхе от рухнувшего без видимых причин дома, а громко негодовали, что щепы и камень задели их собственные жилища. Кто им виноват? Эти махины, да леди-фрейлина, испуганные до полусмерти и принявшие здравое решение (с подсказки Элайи) убратся с Ликвид-стрит восвояси.

А ведь им говорили, что хозяин не может покинуть дом. Он прикован к нему.

– Мистер Элайя! Спуститесь, из «Мерчантс» прибыли. Откройте!

Оклик с улицы долетел до второго этажа чёрного дома, пробил стекло и попал прямо в ухо портному. Подняв глаза от стола, он воткнул ножницы в подставку, отложил выкрой-

ки распахонок для близнецов и спустился к двери.

– О, мистер Пелби! Проходите, проходите и мальчиков своих заводите. Я уже заждался вашего паштета, такого во всём городе не сыщешь!

– Это улочку вашу не сыщешь, – пробурчал хозяин небольшого рынка, невысокий господин, делая мальчишкам знак, чтобы заносили в дом ящики с провизией.

– Как ваши дела? – нарочито громко осведомился Элайя, наклонившись к маленькому человечку. – Хорош ли спрос, или ребята из полицейского участка вам его малость умеряют?

Наверное, полгорода знало, что рыночек существует на не совсем законных основаниях, но отдельным лицам там делались такие скидки, а вина были настолько хороши, что все сошлись на мнении, что пусть себе, раз от рыночка такая польза.

– Ничего, ничего, потихоньку, – мистер Пелби попытался подмигнуть, но из-за мешков под глазами получилось не совсем заговорщески. Тут из дома раздался какой-то шум, свидетельствующий о потере контроля над тяжёлым предметом.

– Что-то упало, – подсказал портной.

– Дик! Боб! Что за мальчишки, вот я вам задам сейчас! Если это были яйца... – торговец, грозя кулаком, бросился в комнату. Задав оплеуху парню, не совладавшему с ящиком, он вытолкнул его прочь под смехок второго, а сам, отряхивая руки, огляделся вокруг.

– А вы тут что-то поменяли, мистер Элайя.

Гостиную уже не опутывали в живописном беспорядке полотна габардина. Широкие ткани аккуратными полосами тянулись с потолка вдоль стен, и на каждой висела большая картина в стареньком багете. Одна из полос слегка колыхалась, как на ветру, а за ней была приоткрытая дверь, за которую уже сунул нос второй мальчишка. Элайе пришлось быстро (и незаметно для мистера Пелби) вытаскивать его оттуда и в шутку пригрозить портняжим резакom. Не понятно, подействовал ли этот жест, но глаза у мальчика были испуганные.

– Да, мне показалось, что можно слегка изменить убранство, – ответил портной как ни в чём не бывало, ногой прикрывая дверь в стене. – Наверх я тоже... Заказал картинок, там не менее интересно, – он соорудил глупого и не разбирающегося в живописи коллекционера, чем мгновенно вызвал у мистере Пелби покровительственный взгляд: он сам баловался гравюрами, в которых понимал не больше, чем в тяжёлой металлургии.

– Это достойное занятие, мистер... Фант, но и ему нужно учиться, – вальяжно проговорил он, скользя взглядом по коврам и пирогам на полотнах. Его движения замедлились, а сам он стал будто на дюйм выше. – Это придёт со временем, – важно и понимающе кивнул он хозяину. Под «этим» он, видимо, подразумевал чувство красоты и истинного искусства.

– Конечно, – кивал Элайя.

– Конечно, – уверял он, расплачиваясь.

– Вы совершенно правы, конечно, – через три минуты слово «конечно» утратило для него всякий смысл.

Ликвид-стрит погружалась во мрак. Этому также способствовали собирающиеся над городом тучи, совершенно точно обещавшие вылить на головы и крыши тонны воды.

Хозяин чёрного дома стоял у окна и наблюдал, как под далёкие и близкие раскаты грома зажигали фонари. Хотя ночь ещё не наступила, люди закрывали двери и окна своих жилищ, понимая, что в такую темень чего-то хорошего ждать уже не придётся. Мамаши хлопотливо топотали и сверкали из-под юбок лодыжками, загоняя в дом непослушных деток, попутно прищемляя дверьми кошачьи хвосты, отчего предгрозовое напряжение улицы иногда разряжалось животным визгом и треском разбитого горшка с геранью.

Элайя Фант представлял, что сам стоит на дороге, рядом с тем мужчиной около фонарного столба. Он думал, что раз его дом находится аккурат на западной стороне, у высокой стены, то в этот час он давно уже превратился в чёрное пятно, у которого лишь угол освещался бликом фонаря. Это была будто дыра, вырезанная в холсте, а сам пейзаж писался с грязной палитры художника-неряхи: смеси бурого, серого, чёрного цветов, в каком-никаком порядке нанесённые на подмалёвок, а по подобию неба тщательно прошлась

непокормленная кошка, когда масло ещё сохло. Но это было давно, и возраст картины старил пейзаж. Портной видел, как в тонкие трещинки на постаревших красках просачивался неясный свет — он словно имитировал молнию на небе, только был не только там, но и на стенах домов.

Он представлял, что стоит вот так, вблизи от пропахшей всеми запахами куртки зажигателя фонарей, и уже чувствовал пробирающуюся сквозь подошвы сырость. Контуров зданий не подсвечивались луной, как обычно, сверху вниз, а просто плавно переходили в воздух, растворяя свои каменно-черепичные формы в дыму. Он видел, как дым толстыми клубящимися шеями валил из фабрики, возвышающейся на далёком холме; три трубы этого дракона извивались, вываливая газы не в отсечённые пасти, а наружу; они тянулись, словно хотели вырвать фабрику из земли вместе с её корнями, идущими под землей и выходящими тонкими невинными отростками в каждый маленький домик в этом, по сути, не таком уж и большом городе.

...Сквозняк хлопнул одной из картин об стену, заставил Элайю Фанта вернуться в своё тело. Его слишком резко вырвало с улицы, глаза сразу задавило, как на большой глубине. Он кинул ещё взгляд за окно, услышал вялое «кап-кап». Фонарщик перешёл к другому своему подопечному.

Портной вспомнил, что дверь, в которую утром лез любопытный мальчишка, всё ещё оставалась открытой. Раздвигая стену из габардина с мерно, как музыка ветра, стukaющими

друг о друга картинными рамами, он приблизился к дверному portalу и вместо того, чтобы просто повернуть ключ в замке, вошёл в него.

Футов на пятьдесят вытянулся подёрнутый дымкой коридор, в нескольких местах поворачивающий в неизвестность; по всей видимой поверхности стен тянулись двери: обитые кожей, выщербленные деревянные, перекрашенные и окаймлённые вспученными обоями, местами отслоившимися. Некоторые были на замке, другие слегка приоткрылись – на полу перед такими образовались лужи из песка, прошлогодней листвы, жжёной бумаги, а в щели у плинтусов набилась поблёскивающая серая пыль, отвратительно пахнущая порохом.

До слуха донёсся слабый стук в дверь, в обычную входную дверь. Сделай ещё хоть шаг вперёд по коридору, его было уже не слышать.

– Кто-то должен был прийти так поздно? – и, не дождавшись ответа, он вернулся в комнату.

На середине следующего стука Элайя Фант распахнул её, пустив в дом прохладу и ощущение влаги, тут же забравшись в рукава. На крыльце стоял, задумчиво смотря в сторону, юноша и явно передёргивал плечами, верно, от прохлады. Он сразу понравился портному: так может нравиться ткань – её фактура может быть любимой для ваших пальцев, а цвет приятен глазу больше, чем какой-либо другой. Но при этом вам будет всё равно, кто соткал эту ткань: на чёрном

рынке измазанные руки или заботливая жена для пледа мужу. Так и Элайе было сейчас всё равно, кто этот поздний гость и что; но его внешний вид ему сделался приятен.

– Добрый вечер, сэр, – вежливо и в то же время удручённо поздоровался он. Голос его звучал глухо, а глаза забывали смотреть в глаза, и руки были сжаты в кулаки, но от того, что пытались сохранить больше тепла под довольно тонкой накидкой.

Студент – сразу стало понятно. Хозяин отступил от двери, давая гостю войти. Тот помедлил и прошёл внутрь. Совершенно ясно, что парень затерялся в своих мыслях.

– Сэр, я спрашивал, и мне сказали, что вы – мастер по чистке одежды.

– Совершенно верно, – обращение на «сэр» льстило. Его, теперь уже клиент, невидяще озирался и тёр ладони.

– В таком случае, я хотел бы попросить вас... Заказать... Мне нужна шапка выпускника, – выпалил он.

Элайя Фант покачал головой. Сам-то уже перебирал в голове, во что можно было бы одеть этого студента.

– Я не шляпник, – вздох при этом получился слишком неестественным. – Но вы можете обратиться к...

И он, как человек, обязанный знать всё о тех, кто умеет держать в руках иглу настолько хорошо, чтобы счесть возможным продавать своё ремесло, стал рассказывать, кто смог бы помочь молодому человеку, к кому ему нужно обратиться; называл имена всех известных ему ныне живу-

щих шляпников и шляпниц города, характеризовал каждого из них, советуя обратить внимание именно на того или другого; перечислял адреса, замечал как бы между прочим, что Кожаный Бен дерёт чересчур для своего дешёвого сукна и никудышного покроя, что из-за Маргарет, той самой, племянницы деканши благородных девиц, несмотря на её обворожительные улыбки и обещания работы со скоростью гепарда, у неосведомлённого народа возникает уверенность, что гепард передвигается со скоростью черепахи.

Он настолько увлёкся, что не заметил, что всё это время парень мог слушать только потому, что не заткнул уши. Осев в своём плаще, он перебирал пальцы, смотря вниз и в сторону. Такое чувство, что он искал для себя не шляпника, а палача. Через какое-то время после завершения экскурсии в мастеровую жизнь города да него дошло, что шумовой фон исчез и пришёл в себя. Кинув на портного взгляд, преисполненный грустью, он сказал: «Спасибо, сэр» и закрыл за собой дверь.

Элайя Фант остался стоять в коридоре, удивлённый появившимся и исчезнувшим гостем, несмотря на стремительность, оставившим приятное впечатление. Отчего же он так убивался?

«Шляпа выпускника, как странно. Из чего их шьют? Я не вдавался в это никогда. Может, это даже легче, чем склепать ползунки младенцу? Может, я зря так сразу сказал „нет“?»

Он открыл дверь – парень всё ещё спускался с крыльца, медленно и в чём-то торжественно.

– Эй, постой.

Тот безвольно остановился, не оборачиваясь.

– Откуда ты?

– Звонарский переулок, сэр.

– Я спросил, где ты учишься.

– Стэнс-колледж, – первая скудная эмоция на его лице за эту встречу – слабое удивление. – Сэр.

– А зовут тебя как?

– Генри.

– Входи, Генри.

Элайя предложил ему чаю – сил не было смотреть на такое затравленное лицо. Сгребя и закинув в открытый шкаф обрывки ткани, неказистые игольницы, пяльцы, ножницы всех форм и прочие реквизиты портняжного ремесла, он предложил расположиться за одним из столиков. Отогревшись заваренным жасмином, парень поведал свою историю.

Он был студентом последнего класса колледжа святого Стэнса, самого сурового места для образования самых одарённых ребят. Будучи одним из немногих счастливцев, которым удалось доучиться до этого финального круга и выделиться среди кутил и бездельников с полным карманом, он был очень горд тем, что заканчивает своё обучение практически на отлично. И всё бы было прекрасно и в наивысшей степени благополучно; но вот беда, их куратор оказался «су-

щим грифоном», по словам самого Генри. Это был жёсткий старик, чьё чувство дисциплины граничило с требованием от студентов нахождения в состоянии анабиоза в то время, когда для процесса обучения им не нужно было передвигаться, проще говоря – не признавал другой деятельности, кроме учебной. Он требовал в аудиториях вакуумной тишины и сосредоточенности; создавая шум самостоятельно, он предполагал его источником студентов. Он был великолепным учителем, если в рассказах про него опускалось описание, мягко говоря, крутого нрава. Можно сказать, что профессор от философии был поборником философии Абсолюта: всё должно быть идеально, вовремя, опрятно, обдуманно и выполнено после нескольких проверок. Но вот беда: от молодых людей, только начинавших делать свои первые шаги во взрослой жизни, ждать этого приходилось не всегда. Именно это было причиной негодования профессора Абсолюта, как называли его стэнсовцы; её следствием – наказание проштрафившихся учеников, а результатом – страх и крайняя неприязнь студентов. Но им ничего не оставалось, как в бессилии скалить зубы у него за спиной, а самим опасаться навлечь на себя гнев старого грифона.

И надо же было так случиться, что Генри умудрился потерять шляпу выпускника, в которой он должен быть на торжественной церемонии всего через неделю.

Его с позором выгонят из колледжа, хлопнув аттестатом перед носом, в отчаянии уверял Генри. Элайе не по-

нависало, что при всём этом глаза его почти не двигались и не моргали, а это было явным признаком приближающейся истерики. По-видимому, нрав у того старика действительно был прескверный.

Гость спросил ещё раз:

– Вы правда не можете её сшить?

Правда. Элайя имел очень смутное представление о шляпном деле, а делать что-то наобум было не в его правилах. Но и оставлять этого паренька в столь плачевном состоянии на грани краха он тоже не хотел.

– Хм, Генри. А ты не помнишь, где потерял её?

Этот глупый вопрос заставил вырваться из него воплю безнадежности.

– Знал бы я – сидел бы я здесь, сидел бы, сэр?.. О, сэр, вы не представляете, как раздуется и побагровеет профессор Абсолют, когда увидит – а он увидит – мою непокрытую голову, и тогда...

Этого было довольно, чтобы Элайя Фант окончательно решил, как нужно поступить. Станный способ помочь человеку, но все используют то, что им доступно.

– Пойдём со мной.

Парень замер на полуслове и в комнате повисла тишина, которую сопровождал ливень за окном. Мокрый звук по стёклам и камням.

Хозяин и гость остановились перед одной из дверей, что вела из гостиной. Первый не сдержался и усмехнулся. Хотя

сейчас нужно было быть серьезнее. Второй же просто присутствовал в комнате, хотя полезнее было бы расслабиться.

– Не думаю, что ты захочешь кому-нибудь об этом рассказать. А расскажешь – тебе всё равно никто не поверит.

Перед Генри открылся проход, пропуская его вперёд. Это был тот самый коридор, который так и остался не запертым.

– Что это за мес...

Не дав опомниться, Элайя Фант схватил его за рукав и быстрым шагом потащил вперёд, сквозь окутывающий их поблёскивающий дым, стирающий очертания предметов. Они быстро прошагали мимо выщербленных дверей и потёкших полосатых обоев, тревожа маленькие огоньки на стенах воздухом, клубящимся следом; Элайя перешагивал, а парень – спотыкался о песчаные насыпи и осколки витража, выпавшего из красной двери, но которых было несоизмеримо больше, чем требовало пустое место; портной быстро обходил, а юнец неуклюже вваливался, утягиваемый его рукой, в пылевые зиккураты, воздвигнутые здесь осенними домовыми, чьи скелеты из жухлой листвы валялись рядом; двери разной степени обветшалости и обугленности проносились мимо, когда одна из них распахнулась, и студента втолкнули в неё.

...Они стояли на крутом берегу реки, залитой светом. Она была узкая, всего футов двадцать шириной и очень чистая. С противоположного берега к воде свешивались раскидистые ивы и липы, пышным букетом обволакивая весь гори-

зонт, тонувший в буйной растительности. Небо было высоким, в маленьких облачках и пронзительно-голубое – для глаз было шоком из мрака попасть в солнечный полдень, в царство природы с шелестом воды и мириада травинок.

Но ученическое потрясение Генри так повлияло на него, что уже не осталось сил на здоровое удивление или хотя бы испуг. Он просто побрёл, шаркая по земле, к нависшему над водой краю обрыва.

– Как мы сюда попали? – интерес в его голосе появился только из вежливости. Но глаза округлились с совершенно искренним ужасом, когда паренёк обернулся.

Элайя Фант сам по себе был человеком не низким, больше шести футов, что доставляло бы ему некоторые неудобства, бывая он в домах со стандартными дверными проёмами. Сейчас же портной стоял перед своим поздним клиентом, увеличившись вдвое. Выпрямившись в свой огромный рост, Элайя небрежно опирался на покосившуюся дверь, пространство позади которой ломалось, как отражение в битом стекле.

Генри таращил глаза и раскрывал рот, как рыба. Против обычного, хозяин дома не усмехался.

– Узнаёшь место? – сказал он спокойно. – По-видимому, ты был здесь не так давно.

– Да... Это был пикник, три дня назад...

– Ищи свою шапку. Не обращай на меня внимания. Займись делом, Генри.

Ещё не совсем осознав, что от него требуется, студент глазел на мужчину высотой в тринадцать футов: видно, как мягкая земля вдавливалась под ним, а волосы трепетали на высоте ветра, неосязаемого для обычного человека. Спohватившись, Генри бросился к небольшой полянке, бормоча на ходу.

– Мы были здесь... Утром нам выдали мантии, и мы решили не оставлять их дома, сразу отправились сю...

Он бегал, шуршал травой, заглядывал под кустики, разгребал кустарники.

– Нет... Здесь нет... И здесь... Здесь – тоже... А может...

– В эти дни стояла жара и безветрие, – крикнул Элайя Фант (в два раза громче обычного), когда парень свесился на краю берега, пытаясь увидеть что-то внизу. – Её не могло снести вниз.

– Тогда здесь искать бесполезно, – опять расстроившись, сказал тот. Ему указали на выход.

Пропустив студента вперёд, Элайя сам кое-как протиснулся в дверь, чем разломал её ещё больше. В первые секунды они только чихали от пыли, уже полюбив вдыхать полной грудью свежий воздух; потом – снова помчались по узлам коридора. Они поворачивали направо четыре раза и оказывались в новом месте, ныряли в дыры в стене, обдирая руки о торчащие гвозди и отломанные косяки; юнец не поспевал, рискуя остаться в одном из проходов, освещаемых лишь слабыми огоньками да призрачно мерцающим дымом.

Без предупреждения, Элайя Фант втянул его в инкрустированную ржавчиной дверцу.

Лунная ночь с лёгким наплывом облаков, безветрие и открытая галерея, выложенная почерневшим мрамором. Окружающий со всех сторон массивный Стэнс-колледж с его башнями и шпилями – они были в арках внутреннего двора, истоптанного тысячами ног. Не горело ни единого окна, всё было погружено в темноту, спасаемую лишь лунным светом и отражением его от глянцевиных травинки.

– Ищи, – прогудел над студентом голос гиганта.

Генри бросился бегать по двору, стараясь держаться в стороне от трещин, тянувшихся по воздуху от самой двери. Он иглой обмётывал колонны, уплотнял газон быстрыми шагами, проникивал в любое доступное пространство, пытался привыкнуть к скудному свету, отмахивался от ночного тумана; он то замирал в задумчивости, тчившись вспомнить, то, вдохновлённый новой надеждой, мчался в главный холл университета, заставляя своего спутника следовать за ним семимильными шагами по бесконечным лестницам, переходам, залам, аудиториям. А тот смотрел, как он разгребает кпы книг и бумаг в студенческих комнатах, мечтая случайно наткнуться на свою пропажу; наблюдал, как юнец с опаской проникает в кабинеты профессоров, хотя бы для того только, чтобы не винить себя за непроверенную возможность. Но всё было тщетно, всё было зря.

Они возвращались назад по разделённым полосами тьмы

и лунного света коридорам. Элайя одним шагом миновал лестничный пролёт, Генри волочился позади.

– Неудачник, – слышался его удручённый шёпот.

...Они побывали ещё во многих местах. Собrania, таверны, чьи-то квартиры, парки, набережная, улицы, улицы, улицы – двери открывались в десятки мест, в которых побывал этот теряющий надежду паренёк. Они попадали в безлюдные места ночью, утром, днём, вечером: залитые светом, погружённые в тревожное мерцание керосиновых ламп, в запачканные и блестящие чистотой и изящностью помещения, в которых хозяину чёрного дома приходилось складываться вдвое; в некоторых переулках бушевал такой ветер, что студенту приходилось держаться за ногу своего проводника, чтобы не улететь вместе с газетами, – тот мягко покачал ветру пальцем, и бунтарь утих. В ресторанах и лавках Генри ползал под столами, осматривал все шкафы и буфеты, каждый ящичек, проверяя слуг и хозяев, не прикарманил ли кто его драгоценность. На колокольной башне, где он недавно был с друзьями, сразу стало ясно, что искать просто негде. Элайя предположил, что шляпу могло сдуть порывом в любую сторону, но Генри вдруг вспомнил, что был здесь задолго до того памятного дня. Через одну из дверей они угодили на выжженную дотла улицу, но поспешили покинуть её из-за нестерпимого гула, стоящего в воздухе. В печатном доме, куда его тридцатого числа занесло по нужде приобретения книги прямо из-под станка, он заставил помочь ему перевер-

нуть печатные прессы, чтобы увериться, что шляпы нет под ними в какой-нибудь щели. В лесу, где он с сокурсниками ездил верхом, Генри неуверенно махнул рукой, сказав, что откуда здесь ей оказаться, а потом стал метаться от дерева к дереву, и большая удача, что поднявшийся из ниоткуда ветер поднял в воздух всю листву и ветви кустов так, что земля стала видна вокруг на полмили – ярко-синюю шляпу можно было бы сразу разглядеть. Но и тут, обшарив весь лес, он не смог её обнаружить.

Они вернулись в коридор, заваленный той кожей, которую сбрасывает дом за долгие года: штукатурка, деревянные рейки... Паренёк отчаянно попинывал хлам, ожидая, когда они двинутся дальше, а Элайя Фант думал, как сказать, что двери для него кончились и что он, по-видимому, больше нигде не бывал за прошедшую неделю. Сказал, как есть, прибавив два сожаления, чтобы не расстраивался – на шляпе свет клином не сошёлся. Тот тихо кивнул, а когда он поднял глаза, в них отсутствовал интерес к чему бы то ни было.

– Пожалуй, мне нужно идти, – на его лице появилось незначительное смятение. – Как мы выберемся отсюда? Мне кажется, что мы пробежали несколько миль по этому коридору.

Неглядя, Элайя распахнул первую попавшуюся дверь, пропуская гостя вперёд. Генри утомлённым шагом вышел в гостиную прежним шаркающим шагом, из-за чего тут же споткнулся, и только шкаф у стены удержал его, чтобы

не растянуться на полу (впрочем, приняв удар, он рассыпал всё содержимое с открытых полок). И тут портной услышал крик – не боли и негодования, но ликующий возглас, радость, которая просто не поддавалась описанию. Не дав портному выйти в комнату и понять, что происходит, студент заскочил обратно в коридор, потрясая перед его лицом ярко-синей шляпой с бархатистой кисточкой. Генри прыгал вокруг, прижимал шляпу к сердцу, целовал её и, не переставая, говорил, что она выпала из шкафа, что это время она лежала там, сэр, под тряпками и лоскутами, сэр, там, сэр, сэр! И он сразу узнал этот ангельский синий цвет, самый прекрасный в мире цвет, сэр!

Элайя захотел своими глазами увидеть, где парень обнаружил свою драгоценность; но ступив в комнату, сводчатый потолок тут же упёрся в голову, а верхушка серванта больно ударила локоть. Генри с удивлением воззрился на него снизу-вверх.

– Так мы всё ещё... Там? Там, сэр?

– Как видишь, – пробормотал портной, и они вернулись в коридор. Спустя некоторое время многочисленные улицы и переулки дома были пройдены вновь, и их ноги (все – нормального размера) ступили на ковёр гостиной.

Вдруг Генри понял, что шляпа, которую он сжимал всё это время в руках, исчезла. Заметив, как блаженство на его лице сменяется бессмысленностью, а то начало превращаться в накатывающее безумие, Элайя Фант поспешил перево-

рошить все вещи в нужном шкафу и мигом извлёк из-под завалов синий убор и вернул его обладателю.

– Тише, дружище, тише... Ты же не думал, что её можно буде просто так взять из воспоминания. А здесь – вот она, живая... Реальная, я хотел сказать.

Наверное, не стоит описывать, с как порывом Генри стал благодарить портного, сияя как новая монета, тряхти руку, опять благодарить, желать всяческих благ, вертяться вокруг и, радостно обращая глаза к потолку, тараторя без умолку, что теперь он спасён, что всё будет, все будут, а он – его величайший благодетель.

Наконец, величая портного от сэра до господина и пытаюсь сунуть в руку деньги, от которых Элайя всё-таки отказался, он, птясь спиной и отбивая поклоны вышел за дверь. Потом забарабанил опять и вновь тряс руку...

...Когда Элайя Фант вернулся к своей непосредственной работе, вооружившись иглой, напёрстками и нитями, он был погружён в мысли, почему то, что мы искали так далеко, оказалось так близко, что можно было только руку протянуть.

Перебирая в памяти прошедшую неделю, он, наконец, вспомнил. Как-то к нему тоже пришёл молодой человек в форме и с нашивкой на груди – гербом Стэнс-колледжа. Кажется, по какой-то мелочи, и пришлось на пару минут выйти за необходимым в другую комнату. Из неё было слышно, как открылась дверь, и потом – другой голос: он говорил, чтобы Кристофер (так звали юношу) поторапливался,

и что его ждут на перекрёстке. Кристофер предложил голосу подождать минуту, пока вернётся портной. Голос, который принадлежал, несомненно, Генри, согласился и по привычке снял шляпу, которую носил на людях ради пущей важности; но, не вытерпев и тридцати секунд, сказал, что будет ждать снаружи, вылетел на улицу.

Забавно, думал Элайя, пришивая пуговицы к распашонкам.

«И почему я не вспомнил об этом сразу»

Петля, петля.

«И как там вообще оказалась эта шляпа? Я же не мог положить её в шкаф старья»

Нить была перекушена и умело закреплена.

С последним швом Элайя Фант вспомнил, что герб Стэнс-колледжа – орлица с птенцами, а не колокол, обвитый лентами, который был на груди того парня.

4. Я вижу сквозь туман

В тот день всё было спокойно. На улице стоял туман, предвестник скучного вечера, особенно плотный для пятницы, а в доме стоял стол и множество других вещей, которых не трогал ветерок, запираемый двойными окнами. Если бы не десять картин в больших рамах, светящихся искренне-оранжевым светом так, что комната казалась озарённой очагом, можно было бы не усомниться, что простой мастер-портной сидит за работой, сшивая тряпицы по кусочкам, создавая некоторую цельность. Перед мастером – Элайей – на столе стояли в ряд девять игольниц, каждая подписана от 1 до 10. Отсутствие десятой он заметил только утром, когда перестал сосредоточенно втыкать иголки в подушечки, будто подбирая нужный порядок. От прикосновения к игольнице в виде туфельки с цифрой 6, вдруг начинала сильнее светиться шестая рама справа от Элайи. Воткнув иглу во вторую, он заставлял её переливаться, четвёртая тут же становилась из оранжевой жёлтой, девятая вовсе затухала, а остальные пока не реагировали на его манипуляции.

Провозившись с неполным комплектом некоторое время, он поднял голову и хлопнул себя по лбу, предусмотрительно отложив пачку иголок. Со словами «теперь ты точно знаешь, что они и без короны, оказывается, неплохо работают» он встал из-за стола и принялся искать десятую подушечку.

ку в последнем месте, которое осталось неисследованным — в собственном доме. Элайя для удобства дал такое название пропаже — «корона», хотя не видел её раньше и мог только представить. Впрочем, и другие игольницы напоминали скорее случайно сбрызнутое в холодную воду серебро со вставленной тканью, но для него это были спящая собака, туфелька, камин, цилиндр, львиная пасть, златоглазка, кекс, болото с камышом и горшочек.

Элайя Фант начал заниматься с этими вещами довольно давно, и они ему порядком надоели. Он решил закончить всё это не позднее сегодняшнего вечера, и потому его раздосадовала проволочка с недостающим звеном, которую он с наигранным ужасом обнаружил только сегодня. Элайя до сих пор даже не знал точно, зачем и что в принципе нужно сделать с картинами и игольницами. Кому захочется тратить больше времени, чем нужно, вот на это? Поэтому окрылённый внезапной идеей Элайя Фант и сновал по большой гостиной, служившей ему мастерской, поднимая каждую коробку и заглядывая под каждый столик, надеясь отыскать пропажу прямо в комнате. Пока он перекладывал с места на место многочисленные вещи портного и просто жителя, не покидающего порога своего дома, рамы висели на самом широком из тканевых полотен, красиво закреплённых по всей гостиной. Каждый багет обрамлял свою картину, а каждая картина как будто соответствовала той игольнице, на прикосновение к которой отвлекалась. Вот между

скал лежит белый лев в сбруе и царской шапке из репейника и скалится (или «протяжно зевает», как был склонен считать Элайя), вот кекс на блюде, поставленном на огонь, будто на твёрдый предмет, на фоне – какие-то праздничные афиши; в отливающей желтизной раме была светлая собачонка, грызущая тапок, а рядом – болото, цветущее львиным зевом с камышом и рассыпанными остатками чьего-то пикника; рама с витриной обувного магазина, приковавшая внимание парочки дворняжек по соседству с золотым горшком, инкрустированным изумрудами и кипящем на голом камне... И ещё какие-то сцены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.